
ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

FROM THE HISTORY OF THE INTELLIGENTSIA

Интеллигенция и мир. 2026. № 2. С. 58—72.

Intelligentsia and the World. 2026. No. 2. P. 58—72.

Научная статья

УДК 94(430)“1945/195”:329.17

EDN <https://elibrary.ru/jxnsrp>

DOI: 10.46725/IW.2026.2.3

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история

ПАНГЕРМАНСКИЙ СОЮЗ: КОНЕЦ ИСТОРИИ?

Александр Александрович Турыгин

Костромской государственный университет, Кострома, Россия,
aturigin@mail.ru, SPIN-код: 1670-6249,
<https://orcid.org/0000-0003-0758-6422>

Аннотация. Одним из сложных и слабоизученных в историографии Пангерманского союза до сих пор остается вопрос о том, что стало с его руководством, членами и наследием после 1939 года, когда организация официально была ликвидирована. В условиях современной политической реальности этот вопрос приобрел особую актуальность, так как затронул проблему преемственности элит довоенного и послевоенного времени, так называемого периода ранней ФРГ (вторая половина 1940-х — 1950-е гг.). Учитывая «склонность ФРГ к скорейшей политической амнезии» (Ю. Хабермас), идеологическое наследие пангерманцев не было должным образом изучено и проанализировано, что, в какой-то мере, позволило ему пережить саму организацию, ее знаменитых руководителей и сохраниться вплоть до наших дней. В статье сделана попытка анализа того, как пангерманская элита, пережившая Нюрнбергский процесс и денацификацию, смогла адаптироваться к условиям демократической Западной Германии, а также насколько актуальным оказалось наследие пангерманцев для консервативных кругов ФРГ.

© Турыгин А. А., 2026

Ключевые слова: Пангерманский союз, денацификация, ФРГ, элита, преемственность, идеология, консерватизм, «канцлерская демократия», надпартийность, национальное единство

Для цитирования: Турыгин А. А. Пангерманский союз: конец истории? // Интеллигенция и мир. 2026. № 2. С. 58—72.

Original article

PAN-GERMAN LEAGUE: THE END OF HISTORY?

Alexander A. Turygin

Kostroma State University, Kostroma, Russia,

aturigin@mail.ru, SPIN-код: 1670-6249,

<https://orcid.org/0000-0003-0758-6422>

Abstract. One of the most complex and understudied issues in the historiography of the Pan-German league remains the question of what became of its leadership, members, and legacy after 1939, when the organization was officially dissolved. In the current political climate, this question has acquired particular relevance, as it touches on the issue of the succession of the pre- and post-war elites, the so-called early period of the Federal Republic of Germany (the second half of the 1940s to the 1950s). Given the “propensity of the Federal Republic of Germany for rapid political amnesia” (Habermas), the ideological legacy of the Pan-Germans has not been properly studied and analysed, which, to some extent, has allowed it to outlive the organization itself and its famous leaders and persist to this day. The article attempts to analyse how the Pan-German elite, having survived the Nuremberg Trials and denazification, was able to adapt to the conditions of democratic West Germany, as well as how relevant the legacy of the pan-Germans turned out to be for conservative circles in the Federal Republic of Germany.

Keywords: Pan-German league, denazification, Federal Republic of Germany, elite, continuity, ideology, conservatism, “chancellor democracy”, non-partisanship, national unity

For citation: Turygin, A. A. (2026), ‘The Pan-German league: The End of History?’, *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 2: 58—72 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Вопрос о судьбе Пангерманского союза после 1939 года по-прежнему остается открытым. Обычно исследователи ставят точку в истории организации именно на 1939 году, когда, согласно указанию рейхсфюрера СС и шефа немецкой полиции Генриха Гиммлера, 8 марта Пангерманский союз был официально распущен. В своем распоряжении Гиммлер отметил, что основные цели, которые ставил перед собой Пангерманский союз, были достигнуты с аннексией Австрии. Однако, если учитывать ту роль, которую Пангерманский союз играл на протяжении трех ключевых эпох германской истории (Вильгельминистская империя, Веймарская республика, Третий рейх), его значение как медиатора общественных настроений и лидера мнений, его богатое интеллектуальное наследие и его связи с консервативными элитами государства, — вопрос о ликвидации организации просто не может стать финальным аккордом ее истории. Этот вопрос требует более глубокого анализа, поскольку он связан с проблемой преемственности довоенных и послевоенных немецких элит.

Важно также отметить, что пангерманские идеи, как и любые другие идеи, жизненный цикл которых не зависит от хода истории, не исчезли бесследно, а изменились и трансформировались, найдя новые формы выражения в различных движениях и идеологиях, которые проявились в послевоенной Германии. Таким образом, исследование судьбы Пангерманского союза после 1939 года не только освещает исторические процессы новейшей истории Германии, но и помогает понять, как старые идеологии могут влиять на новые идеологии, как менялись механизмы адаптации и трансформации элиты, их создававшей. Если в условиях политической стабильности элита способна к непрерывному воспроизводству, а старое руководство естественным образом замещается новым, более молодым (при том, что целевые установки принципиально не меняются), то в условиях острых потрясений, характеризующих Германию первой половины XX века, вопрос о том, приводит ли резкая смена режима в экстраординарные, кризисные моменты к существенным изменениям внутри политических элит, остается дискуссионным [Хоффманн-Ланге, 2017: 56]. Подытожим: вопрос о разрывах и преемственности элит предоставляет новые возможности для анализа политической и социальной динамики

в послевоенной Германии, а также подчеркивает важность глубокого и всестороннего изучения исторического наследия пангерманцев для понимания ее современной истории.

Постановка вопроса. В данной статье сделана попытка систематизировать основные вехи послевоенной истории пангерманцев и проанализировать значение их идеологического наследия для ранней ФРГ. При этом мы опираемся не столько на воспоминания элиты Пангерманского союза, личную переписку и упоминания об отношениях с официальной властью после завершения Второй мировой войны, сколько на материалы судебных и следственных дел имущественного характера, а также на мнения отечественных и зарубежных историков.

В связи с такой постановкой проблемы мы выделяем следующие исследовательские задачи:

- выявить и сформулировать принципиальные идеи и суждения пангерманцев, которые оказались актуальными для послевоенной Германии;

- проанализировать воспоминания пангерманцев о том, как им пришлось восстанавливать связи с единомышленниками после войны, решать имущественные вопросы, адаптироваться к условиям новой политической реальности;

- оценить роль пангерманских идей в контексте развития немецкого консерватизма 1950—60-х годов.

Методология и методы исследования

Методологическую основу исследования составили историзм, системность и объективность, позволившие охарактеризовать политическое и общественно-историческое развитие послевоенной Германии с точки зрения востребованности опыта прежних элит, которые, подвергнувшись процедурам денацификации, восполнили потребность в кадрах молодой ФРГ.

Термин «элита» появился на рубеже XIX и XX веков, когда социологи и политологи Г. Моска, В. Парето и Р. Михельс попытались научно классифицировать и объяснить кризис классического европейского либерализма в связи с ростом массовых, преимущественно социал-демократических организаций, а также феномен политического католицизма, который не вписывался в традиционную партийно-политическую парадигму, имел

многочисленных последователей и не был связан с электоратом какой-либо партии. Для классиков теории элит одной из основополагающих черт современной им элиты являлось господство меньшинства, возникающего в процессе социального отбора, над большинством. Более того, по их мнению, именно конфликты между элитами, стремящимися к власти, а не классовая борьба, были движущей силой исторического процесса. Таким образом, классическая концепция элиты отражала типичное для того времени массовое презрение к буржуазии и массам, демонстрируя свой антидемократический характер. Однако после 1945 года теоретическая дискуссия в социальных науках быстро развила новую концепцию, в соответствии с которой элиты вовсе не следовало считать несовместимыми с нормами и практикой представительной демократии (см.: [Zapf, 1965]). В духе функционалистских теорий элит и демократического элитизма элиты даже стали считаться необходимым условием функционирования демократических систем. Именно тогда было расширено традиционное представление об элитах — не как замкнутых кастах, а как субъектах, способных влиять на сферу публичной политики. В этом случае речь шла об интеллектуальных элитах, способных воздействовать на дискурс власти с помощью подконтрольных им медиатехнологий [Eliten und Elitenkritik..., 2021: 9—10].

Помимо биографического метода, который связан с анализом воспоминаний и личных документов пангерманской элиты, в статье использован диалектический метод. С его помощью были выявлены компоненты и структуры элиты как политического субъекта не одномоментно, а в развитии. Бихевиористский метод позволил обнаружить и обобщить элементы однообразия в политическом поведении довоенных и послевоенных элит. Сравнительно-историческая перспектива позволила соотнести и проанализировать идеи сильного, суверенного государства, претендовавшего на роль субъекта международных отношений у германских элит до и после войны.

Основная часть

На протяжении всех ключевых периодов истории Германии (конец XIX — первая треть XX века) Пангерманский союз являлся националистической организацией, идеология которой основывалась на принципах экспансионизма, шовинизма, расизма

и антисемитизма, а также сильного государства во главе с элитой. Своим возникновением Пангерманский союз был обязан широкомасштабному колониальному движению 80-х гг. XIX в. В качестве одной из важнейших задач он провозгласил защиту немецких национальных интересов по всему миру через достижение практических целей немецкого колониализма [Hartwig, 1966: 242]. Не являясь политической партией, Пангерманский союз быстро обрел поддержку среди представителей высокообразованного и состоятельного среднего класса. Этот класс, состоящий преимущественно из банкиров, промышленников, университетских ученых и дворянской интеллигенции, стремился использовать организацию как средство политической борьбы за власть, сначала с высшей аристократией эпохи канцлера Отто фон Бисмарка и императора Вильгельма II, а позже с социал-демократией Веймара. В разное время членами Пангерманского союза были Макс Вебер, Карл Лампрехт, Густав Штреземан, Фридрих Ратцель, Эмиль Кирдорф и даже Отто фон Бисмарк, ставший на склоне лет «почетным членом» организации. За счет богатых субсидий и членских взносов Пангерманский союз очень быстро стал лидером мнений в системе массовой коммуникации. Имея широкую сеть филиалов в стране и за ее пределами, а также используя авторитетные медиаресурсы (выходившие массовым тиражом газеты «Rheinisch-Westfälischen Zeitung» («Рейнско-Вестфальская газета»), «Berliner Tageblatt» («Берлинский ежедневник»), «Alldeutsche Blätter» («Пангерманские листки»); издательства Ю. Ф. Лемана, О. Дидерихса и А. Шерля), пангерманцы довольно смело критиковали правительство, кайзера, а после 1918 года — Веймарскую республику, пытаясь организовать государственный переворот и учредить диктатуру элиты. Всё это пангерманцы объясняли борьбой с узкими сословными, партийными, конфессиональными или частными интересами во имя интересов национальных. Суперцелью пангерманцев было создание этнического, гомогенного сообщества (Volksgemeinschaft) и отвоение для него «жизненного пространства». В этой связи историография рисует нам Пангерманский союз как идеологических предшественников национал-социализма, а пангерманцев — их учителями [Асадулина, 1978; Kuczinski, 1950; Frech, 2009; Jackisch, 2017]. Однако в Третьем рейхе из-за личных конфликтов

с А. Гитлером, разного понимания вопроса о власти в таком однородном национальном государстве и методов борьбы Пангерманский союз был ликвидирован, хотя и сравнительно позже других партий или общественных организаций.

На мысль об идеологической преемственности пангерманизма в условиях послевоенной ФРГ наводят размышления о главных врагах пангерманцев, начиная с первых лет Веймарской республики, — социал-демократах и коммунистах. Именно по этой причине в условиях холодной войны для политической элиты ФРГ риторика пангерманизма оказалась востребованной, хотя данную связь публично никто не подчеркивал. Пангерманский союз официально был связан с национал-социализмом, и поэтому любые разговоры о нем в пространстве публичной политики были табуированы. Одним из немногих, кто обратил на это внимание, был философ Г.-К. Кальтенбруннер. В 70—80-е годы XX века, когда лидерами общественного мнения были так называемые «новые левые», он начал писать о современных ему элитах с консервативной точки зрения. Его работы сейчас активно переводят на русский язык [Кальтенбруннер, 2020; Его же: 2025].

Герд-Клаус Кальтенбруннер (1939—2011) — одна из самых значительных фигур среди консервативных публицистов Германии второй половины XX века. Он принадлежал к числу тех мыслителей своего времени, которые активно противостояли культурной революции 1968 года и ее последствиям. Г.-К. Кальтенбруннер, удостоенный множества престижных литературных наград, обладал обширными знаниями и высокой духовной дисциплиной. Его идеи и взгляды оказывали значительное влияние на общественные дискуссии в ФРГ в 1970—1980-х годах, задавая направление многим важным темам и вопросам [Фомичев, 2025: 137—186].

Следуя логике рассуждений Кальтенбруннера, элиты понимаются не просто как сообщества персон, занимающих руководящие посты в государстве, а как интеллектуальные группы, формирующие (и если хотите, то продуцирующие) дискурс власти. С этой точки зрения руководство Пангерманского союза вполне соответствовало понятию «элита». Оно состояло из представителей так называемого класса интеллектуалов, выходцев из средних обеспеченных слоев, которые после Ноябрьской революции

1918 года продвигали идею сильного государства во главе с новой элитой (ими самими же). Под элитой понималась воспитанная на имперском прошлом, связанная с ним группа консерваторов, которых объединяла не просто интеллектуальная близость, а мышление и действие в категории национальных интересов. Именно на этой почве пангерманцы в конечном счете сблизились с национал-социализмом; более того, сами пангерманцы считали себя предшественниками и учителями Гитлера. Как раз такой взгляд на Пангерманский союз стал господствовать в послевоенной историографии.

Вопрос о преемственности германских элит периода диктатуры и демократического государства является актуальным, но, к сожалению, не всегда востребованным в историографии. Причины этого кроются большей частью в политико-идеологической сфере, но и с научной точки зрения существует немало проблем, прежде всего, в вопросах методологии. Попытку решить эти вопросы как раз и предпринял Кальтенбруннер, доказавший возможность такой преемственности, даже учитывая демократический характер нового немецкого государства. С его точки зрения, элита демократического государства была возможна, и она фактически отстаивала те же самые идеи сильного, суверенного и способного к активной роли субъекта международных отношений государства, что и предшествующая элита. А в силу объективного характера, наиболее способной к политической деятельности в ФРГ оказалась и та элита, которая существовала при национал-социалистической диктатуре. Разумеется, прежде всего, она должна была быть подвергнута наказанию за все злодеяния, публично признать вину и покаяться, а дальше приступить к профессиональной деятельности в условиях нового государства.

Следуя такой логике о преемственности пангерманских элит, заметно сократившихся в силу разных, прежде всего, естественных причин, современные исследователи утверждают, что пангерманские круги сохранили контроль над судебной и административной властью в основном в федеральных землях ФРГ (отчасти и ГДР), а наиболее незаурядные личности — университетскую кафедру и возможность влиять на подрастающее поколение [Hofmeister, 2024: 745—748].

Примером адаптации пангерманца к условиям послевоенной ФРГ является биография Генриха Класса, который был руководителем и публичным лидером Пангерманского союза вплоть до его роспуска. После ликвидации организации Г. Класс прожил еще целых 14 лет. Он умер в Йене (в ГДР) в 1953 году, получив разрешение вернуться туда из Майнца уже на склоне лет.

В связи с тем, что Класс как бывший член рейхстага не попал под действие закона о замораживании активов и счетов лиц, связанных с нацистами (адвокат Класса вовремя представил заверенную копию протокола слушания от 21 ноября 1946 года, согласно которому «г-н Класс под присягой подтвердил, что никогда не был членом НСДАП»), тяжбы послевоенного времени для него были связаны с попытками восстановления финансовой состоятельности. Кроме того, Класс, как и другие пангерманцы, избежал процедуры денацификации. Сама процедура тоже оказалась неэффективной, более того, как пишут немецкие исследователи, в 1950-х годах в западногерманском общественном мнении распространилось суждение, приписывающее расизм, террор и военные преступления незначительному меньшинству, что намеренно «подвело черту под денацификацией» [Hofmeister, 2024: 21].

Чтобы ускорить возвращение активов Класса, сын его друга, пангерманца Пауля Месмана, судья из Майнца Отто Месман [Claß, 2022: 255, 270, 396] в марте 1949 года подготовил трактат о Пангерманском союзе, оправдывающий его лидеров — Генриха Класса и Альфреда Гугенберга, изобразив их как тайных противников Гитлера [Hering, 2003: 500]. В нем, например, утверждалось, что руководство союза предупреждало о надвигающейся войне еще в апреле 1914 года. Причины захвата власти нацистами также были четко сформулированы: они кроются в крахе Веймарской республики, не сумевшей удовлетворить насущные потребности немецкого народа. Пангерманский союз был объявлен «самой прочной оппозицией национал-социализму» [Hering, 2003: 501]. Класс изображался как пророк, предрекший Гитлера как разрушителя Германского рейха еще в 1930 году. Поэтому НСДАП назвала пангерманцев своими естественными врагами и распустила союз. Само собой разумеется, что такое изображение полностью искажало реальные отношения между Пангерманским союзом и НСДАП.

Самое живое участие в возвращении активов Класса приняли молодые пангерманцы, вступившие в организацию за несколько лет до ее роспуска, или их последователи. В условиях ФРГ многие из них заняли государственные должности. Например, доктор Йоханнес Рейнхард, ставший в июне 1946 г. членом гамбургского парламента от ХДС, а с 1953 г. — судьей Конституционного суда [Hering, 1994: 537—542]. Другой пример — Франц Зонтаг, бургомистр Бергиш-Нойкирхена из Северного Рейна-Вестфалии или Эрих Ульзен, ставший председателем регионального отделения Немецкой имперской партии, существовавшей в 1950—1964 гг. Благодаря им, как отмечает современный исследователь Хофмайстер, в ФРГ стала распространяться пангерманская идея надпартийности [Hofmeister, 2024: 746]. Эта идея оказалась востребованной теми, кто сопротивлялся господству христианских демократов.

Другая пангерманская идея, которая ожила в ФРГ, была связана с взглядом на новую элиту, которая должна сформироваться не на основе демократического избирательного права или борьбы политических партий. В 1950-е и начале 1960-х годов распространялось мнение о том, что Германия должна стать форпостом на защите западных ценностей от большевизма. Ей мешала только бесконечная партийная борьба и раздутое народное представительство. Концентрация власти при канцлере Конраде Аденауэре воспринималась сторонниками таких мер весьма положительно, т. к. они призывали превратить ФРГ во что-то среднее, напоминающее квазимонархию или канцлерскую диктатуру. Но при такой власти канцлер должен был опираться не на интересы парламента, а на группу доверенных лиц. Об этом писал поклонник пангерманизма и главный редактор консервативного журнала «Neues Abendland» («Новый Запад») Герхард Крол. Похожие суждения встречались и на страницах других печатных изданий: «Abendländische Aktion» («Западное действие») (1951—1953) и «Abendländische Akademie» («Западная академия») (1952—1965) — среди авторов, докладчиков, участников дискуссий и спонсоров которых были многие влиятельные политики, особенно из консервативных кругов правящих партий.

Термин «Abendland», который с немецкого языка переводится буквально как «вечерняя земля», обычно используется для

обозначения «Запада» или «западного мира». Он является антонимом «Morgenland» («утренняя земля»), который относится к «Востоку». Термин часто используется для обозначения «христианского Запада» и отражает культурную общность и особенность латинского Запада, а не просто географическое положение. В Германии он был популярен еще с XVI века, с Библии Лютера, как противопоставление византийскому «Востоку», а позднее приобрел политическое значение, особенно в послевоенной Германии, когда стал использоваться для обозначения общих культурных и духовных традиций стран Западной Европы и Северной Америки. Политическую окраску термин приобрел не без участия Освальда Шпенглера и его «Заката Европы» (от первоначального названия «Падение христианского Запада» («Der Untergang des Abendlandes»)) и в зависимости от перевода). Шпенглер дал новую интерпретацию «Abendland», антикатолическую, и не обязательно охватывающую только Европу. Это привело к яростной контратаке на него со стороны католиков, которая привела к возникновению основательной дискуссии католических и протестантских теологов, продолжавшейся до 1960-х годов [Dawson, 1961; Köhler, 1993; Jost, 1994].

Со времени окончания Первой мировой войны Европа оказалась между двумя полюсами: Соединенными Штатами, символизировавшими сущность модернизма, индивидуализма и капиталистического материализма, и Советской Россией, с ее марксистским материализмом и религиозным секуляризмом. Предлагаемым решением было возвращение к средневековой Европе, к духовным, а не материалистическим основам самобытной европейской цивилизации. Например, те, кто хотел жить в «Abendland», отвергли панъевропейские планы популярного после Второй мировой войны австрийского теоретика европейской интеграции Р. Куденхове-Калерги (1894—1972), поскольку в них экономические интересы были провозглашены объединяющей силой. Короче говоря, результатом дискуссий, который с изменениями был перенесен в плоскость послевоенной консервативной, общественно-политической мысли, стала концепция «Abendland», предложенная христианскими демократами. В ее основе лежал не интернационализм и универсализм, а интеграция и наднационализм.

Заключение

На фоне наметившейся со второй половины 1980-х — начала 1990-х годов в ФРГ тенденции к национальному единству немцев консервативные круги предложили вариант хрупкого консенсуса не на основе политической идеологии или формы государства (имея в виду уже сравнительно долгий опыт раздельного существования двух немецких государств), а на основании хрупкой национальной идентичности, в основе которой лежали общегерманские историко-культурные ценности.

Последняя фаза дискуссий о национальных интересах, выступающих в качестве интегративной основы для западных и восточных немцев, пришлось на 2000-е годы. Именно тогда в поле зрения специалистов оказались проблемы «конструирования» национального посредством культурных паттернов, коммуникации или исторической ментальности. Именно в это время были сделаны попытки переосмыслить наследие пангерманизма, которое до этого времени в историографии было представлено крайне однообразно: пангерманцы изображались исключительно как предвестники национал-социализма и почти всегда осуждались. Исследование гамбургского историка Р. Херинга о Пангерманском союзе «Сконструированная нация», опубликованное в 2003 году, показало, насколько может быть переосмыслено наследие пангерманцев в условиях современности [Hering, 2003].

Список источников

- Асадулина И. Г.* Экспансионистская программа Пангерманского союза, 1891—1914 гг.: опыт исследования идеологических основ экспансии: дис. ... канд. ист. наук. М., 1978. 190 с.
- Кальтенбруннер Г.-К.* Трудный консерватизм / пер. с нем. А. Иванова. М.: Тотенбург, 2020. 302 с.
- Кальтенбруннер Г.-К.* Элита: Воспитание на случай чрезвычайной ситуации / пер. с нем. А. В. Чёрного. М.: Silene Noctiflora, 2025. 192 с.
- Фомичев Ф. М.* Герд-Клаус Кальтенбруннер: аскеза и проблема элит в условиях современности // Г.-К. Кальтенбруннер: Элита. Воспитание на случай чрезвычайной ситуации / пер. с нем. А. В. Чёрного. М.: Silene Noctiflora, 2025. С. 137—186.

- Хоффманн-Ланге У.* Элиты в Германии: исторические изменения и актуальные вызовы // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 2. С. 55—83.
- Claß H.* Politische Erinnerungen des Vorsitzenden des Alldeutschen Verbandes 1915—1933/36 // Deutsche Geschichtsquellen des 19. und 20. Jahrhunderts (DGQ). Bd. 79. B.: Duncker und Humblot, 2022. 1062 S.
- Dawson C.* Die Gestaltung des Abendlandes. Frankfurt a./M.: Fischer Bücherei, 1961. 10 S.
- Eliten und Elitenkritik vom 19. bis zum 21. Jahrhundert // Archiv für Sozialgeschichte / hrsg. K. Heinsohn, T. Krol, A. Kruke. Bd. 61. Bonn: Verlag J. H. W. Dietz Nachf. GmbH, 2021. 646 S.
- Frech S.* Wegbereiter Hitlers? Theodor Reismann-Grone. Ein Völkischer Nationalist (1863—1949). Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2009. 463 S.
- Hartwig E.* Zur Politik und Entwicklung des Alldeutschen Verbandes von seiner Gründung bis zum Beginn der ersten Weltkriege (1891—1914). Diss. zur Erlangung des Doktorgrades. Jena, 1966. 266 S.
- Hering R.* Reinhard, Johannes // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon / Hrsg. von Friedrich Wilhelm Bautz. Bd. 7 Herzberg: Verlag Traugott Bautz GmbH, 1994. S. 537—542.
- Hering R.* Konstruierte Nation. Der Alldeutsche Verband 1890 bis 1939. Hamburg: Hans Christians Verlag, 2003. 600 S.
- Hofmeister B.* Anwalt für die Diktatur. Heinrich Claß (1868—1953): Sozialisation—Weltanschauung—Alldeutsche Politik. B.: De Greyter, 2024. 847 S.
- Jackisch B.* The Pan-German league and radical nationalist politics in inter-war Germany, 1918—1939. Burlington: Routledge, 2017. 220 p.
- Jost J.* Der Abendland-Gedanke in Westdeutschland nach 1945: Versuch und Scheitern eines Paradigmenwechsels in der deutschen Geschichte nach 1945. Diss. zur Erlangung des Doktorgrades. Hannover: Universität Hannover, 1994. 266 S.
- Köhler O.* Abendland (Occident, Europa) // Theologische Real-Enzyklopädie. Bd. 1. B.: De Gruyter, 1993. S. 17—42.
- Kuczinski J.* Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus. Bd. 2: Propagandaorganisationen des Monopolkapitals. Berlin: Dietz Verlag, 1950. 339 S.
- Zapf W.* Wandlungen der deutschen Elite. Ein Zirkulationsmodell deutscher Führungsgruppen 1919—1961. München: Piper, 1965. 260 S.

References

- Asadulina, I. G. (1978), *Ekspansionistskaia programma Pangermanskogo soiuz, 1891—1914 gg. opyt issledovaniia ideologicheskikh osnov ekspansii* [The expansionist program of the Pan-German league, 1891—1914: an attempt to study the ideological foundations of expansion], Ph. D. (History), Thesis, Moskovskii oblastnoi pedagogicheskii institut imeni N. K. Krupskoi, Moscow, Russia.
- Claß, H. (2022), Politische Erinnerungen des Vorsitzenden des Alldeutschen Verbandes 1915—1933/36, in *Deutsche Geschichtsquellen des 19. und 20. Jahrhunderts* (DGQ), Bd. 79, Duncker und Humblot, Berlin, Germany.
- Dawson, C. (1961), *Die Gestaltung des Abendlandes*, Fischer Bücherei, Frankfurt-am-Main, Germany.
- Fomichev, F. M. (2025), 'Gerd-Klaus Kaltenbrunner: Asceticism and the Problem of Elites in Modern Times', in Kal'tenbrunner, G.-K., *Elita: Vospitanie na sluchai chrezvychainoi situatsii* [Elite: Educating for Emergencies], Translated from German by Cherny, A. V., Silene Noctiflora, Moscow, Russia: 137—186.
- Frech, S. (2009), *Wegbereiter Hitlers? Theodor Reismann-Grone, Ein Völkischer Nationalist (1863—1949)*, Ferdinand Schöningh Verlag, Paderborn, Germany.
- Hartwig, E. (1966), *Zur Politik und Entwicklung des Alldeutschen Verbandes von seiner Gründung bis zum Beginn der ersten Weltkriege (1891—1914)*, D. Sc. (History) Thesis, Universität Jena, Jena, (East) Germany.
- Heinsohn, K., Krol, T. and Kruke, A. (2021) (eds), *Eliten und Elitenkritik vom 19. bis zum 21. Jahrhundert*, in *Archiv für Sozialgeschichte*, Bd. 61, Verlag J. H. W. Dietz Nachf. GmbH, Bonn, Germany.
- Hering R. (1994), *Reinhard, Johannes* // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon / Hrsg. von Friedrich Wilhelm Bautz. Bd. 7, Verlag Traugott Bautz GmbH, Herzberg, Germany: 537—542.
- Hering, R. (2003), *Konstruierte Nation, Der Alldeutsche Verband 1890 bis 1939*, Hans Christians Verlag, Hamburg, Germany.
- Hoffmann-Lange, U. (2017), 'Elites in Germany: Historical Changes and Current Challenges', *Aktual'nye problemy Evropy* [Current problems of Europe], no. 2: 55—83.
- Hofmeister, B. (2024), *Anwalt für die Diktatur, Heinrich Claß (1868—1953): Sozialisation–Weltanschauung–Alldeutsche Politik*, De Greyter, Berlin, Germany.
- Jackisch, B. (2017), *The Pan-German league and radical nationalist politics in interwar Germany, 1918—1939*, Routledge, Burlington, UK.

- Jost, J. (1994), *Der Abendland-Gedanke in Westdeutschland nach 1945: Versuch und Scheitern eines Paradigmenwechsels in der deutschen Geschichte nach 1945*, D. Sc. (History) Thesis, Universität Hannover, Hannover, Germany.
- Kal'tenbrunner, G.-K. (2020), *Trudnyi konservatizm* [Difficult conservatism], Translated from German by Ivanov, A., Totenburg, Moscow, Russia.
- Kal'tenbrunner, G.-K. (2025), *Elita: Vospitanie na sluchai chrezvychainoi situatsii* [Elite: Educating for Emergencies], Translated from German by Cherny, A. V., Silene Noctiflora, Moscow, Russia.
- Köhler, O. (1993), 'Abendland', *Theologische Real-Enzyklopädie*, Bd. 1, De Gruyter, Berlin, Germany: 17—42.
- Kuczinski, J. (1950), *Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus*, Bd. 2: *Propagandaorganisationen des Monopolkapitals*, Dietz Verlag, Berlin, (East) Germany.
- Zapf, W. (1965), *Wandlungen der deutschen Elite, Ein Zirkulationsmodell deutscher Führungsgruppen 1919—1961*, Piper, München, Germany.

Статья поступила в редакцию 21.05.2025; одобрена после рецензирования 17.06.2025; принята к публикации 26.06.2025.

The article was submitted 21.05.2025; approved after reviewing 17.06.2025; accepted for publication 26.06.2025.

Информация об авторе / Information about the author

А. А. Турыгин — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Костромской государственной университет, Кострома, Россия.

A. A. Turygin — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History, Kostroma State University, Kostroma, Russia.